

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА**

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ
8 МАРТА**

*Репертуарно-методический сборник
для клубных учреждений МО РД*

Махачкала 2025

Уважаемые коллеги!

«Самое главное для любой женщины, какую бы профессию она ни выбрала, каких бы высот ни достигла, – это семья, родные, близкие. Неустанная забота о детях, об их здоровье, образовании. Стремление так их воспитать, чтобы они выросли достойными»

В.В. Путин

Семья – это продолжение жизни, продолжение рода, она укрепляет связь, преемственность поколений, а бережное, уважительное отношение к женщине, к материнству является неотъемлемой частью наших традиций.

Женщины верно и преданно берегут тепло домашнего очага, создают надежный тыл. Именно женщина, мать играет важную роль в формировании духовно-нравственных ценностей детей и общества как в культурном развитии республики, так и в воспитании достойных сыновей и дочерей страны в целом. Мудрость, душевная теплота, доброта и забота матери о своих детях – это залог успешности человека в социуме.

В Дагестане отношение к женщине всегда было особым. Дагестанская женщина всегда пользовалась большим уважением, ее статус матери, положение в обществе было высоким. Она обладала в должной мере необходимой самостоятельностью и свободой, которая при этом никогда не переходила грань уважения к мужчине и не нарушала традиций семьи. Справедливы слова народного поэта

Дагестана Фазу Алиевой, которая говорила: «При рождении человек не может выбирать три святыни – родителей, Родину и язык. И мы должны той земле, на которой мы родились, любить своих родителей, знать свой язык. Не может быть плохих матерей, могут быть плохие дети. Дагестанские женщины очень мудрые, терпеливые, заботливые...».

Действительно, со словом «женщина, мать» связано все самое светлое и дорогое, что есть в нашей жизни. Ради прекрасного пола мужчины готовы идти к достижению самых сложных целей, а иногда даже совершают безумные поступки.

Каждая женщина достойна того, чтобы говорить о ней на языке поэзии, музыки. Наверное, тема любви к женщине является самой привлекательной в мировой литературе. В этой связи нам ближе всего мысль нашего великого земляка, дагестанского поэта Расула Гамзатова, который на вопрос: «Что вы большего всего цените в мужчине и женщине?», ответил: «В мужчине – его отношение к женщине, а в женщине – всё».

С образом матери ассоциируются нелегкие обязанности хранительницы домашнего очага, поддержания душевного микроклимата и благополучия в семье, воспитания детей, стремление пробуждать в людях добро, быть мудрой и чуткой наставницей.

Отдельные слова уважения и благодарности хочется говорить в адрес женщин старшего поколения. О тех, кто участвовал в войне, был ветераном или потерял в ходе боевых действий своих близких, о тех, кто трудился в тылу

вместе с мужчинами и даже больше, о тех, кто и сегодня вносит достойный вклад в развитие нашей республики.

Невозможно не отметить тех женщин, которые находятся сейчас в зоне СВО, выполняют боевые задачи, а также тех матерей, жен, сестер, которые сейчас в разлуке со своими родными, ждут наших героев, поддерживают их любовью, радостью и надеждой, переживают за всех наших бойцов. Женщины, девушки, боевые подруги помогают им сейчас на передовой, в госпиталях, в многочисленных волонтерских структурах, доказывая, какой неодолимой силой обладает женское сердце, демонстрируя пример стойкости, уверенности в том, что добро и правда будут на нашей стороне – и мы обязательно победим!

В этот праздничный день мы невольно задумываемся о том, кем являются для нас наши близкие и дорогие женщины, подруги, коллеги...

Ведь женщины успевают достичь вершин в самых разных сферах – в этом им помогают обязательность, надежность и ответственность.

Современные дагестанские женщины достойны восхищения, так как многие из них являют собой яркий пример человека, востребованного временем, – активного, деятельного, успешного. Большое количество женщин задействовано в общественно-политической жизни страны, они на виду.

В преддверии женского дня 8 Марта в клубных учреждениях МО РД рекомендуется провести праздничные торжественные мероприятия, концерты, банкеты с приглашением представительниц прекрасного

пола, отличившихся в самых разных областях, – это ветераны войн, жены и матери участников СВО, общественные деятели, деятели образования, культуры и искусства и др.

В.В. Путин в обращении к женщинам говорил: «Вами невозможно не восхищаться. Хочу пожелать вам настоящего взаимопонимания с теми, кто вам дорог, как можно больше поистине счастливых мгновений, успехов во всем, что для вас важно. **С праздником Вас, с Международным женским Днем!**»

СТИХИ РОССИЙСКИХ КЛАССИКОВ

«О ЖЕНЩИНЕ...

О МАТЕРИ...»

А. Дементьев

Стихи о женщине

Спасибо за то, что ты есть.
За то, что твой голос весенний
Приходит, как добрая весть,
В минуты обид и сомнений.

Спасибо за искренний взгляд:
О чем бы тебя ни спросил я, –
Во мне твои боли болят,
Во мне твои копятся силы.

Спасибо за то, что ты есть.
Сквозь все расстоянья и сроки
Какие-то скрытые токи
Вдруг снова напомнят – ты здесь.

Ты здесь, на земле. И повсюду
Я слышу твой голос и смех.
Вхожу в нашу дружбу, как в чудо.
И радуюсь чуду при всех.

***

Я знаю, что все женщины прекрасны.
И красотой своею и умом.
Еще весельем, если в доме праздник.
И верностью, – когда разлука в нем.
Не их наряды или профиль римский, –
Нас покоряет женская душа. И молодость ее...
И материнство,
И седина, когда пора пришла.
Покуда жив, – я им молиться буду.
Любовь иным восторгам предпочту.
Господь явил нам женщину, как чудо,
Доверив миру эту красоту.
И повелел нам рядом жить достойно.
По рыцарски – и щедро, и светло.
Чтоб души наши миновали войны
И в сердце не закрадывалось зло.
И мы – мужчины – кланяемся низко
Всем женщинам родной земли моей.
Недаром на солдатских обелисках
Чеканит память лики матерей.

***

Нет женщин нелюбимых,
Невстреченные есть...
Проходит кто-то мимо,
Когда бы рядом сесть.
Когда бы слово молвить,
И всё переменить.
Былое Светом молний,

Как плёнку, засветить.
Нет нелюбимых женщин.
И каждая права.
Как в раковине жемчуг,
В душе любовь жива.
Всё в мире поправимо
Лишь окажите честь...
Нет женщин нелюбимых,
Пока мужчины есть.

Русская женщина

До чего ж ты была красива!
Пела песни ли на заре
Иль траву за рекой косила,
Утопавшую в серебре...
До чего ж ты была красива!
Мне писать бы с тебя Россию
В самой ранней ее поре.
Но война ворвалась жестоко,
Неожиданно, как гроза.
Потемнели глаза у окон
И померкли твои глаза.
Вся земля стала полем боя
На года – не на десять дней.
Все, что было потом с тобою, –
Было с ней.
У тяжелого стоя молота
По две смены – на сквозняке,
Ты бледнела, как смерть, от голода,
Пайку хлеба зажав в руке.

Но не в силах тебя осилить,
Беды прятались, присмирив.
Мне писать бы с тебя Россию
В самой тяжелой ее поре.
А когда той весной неистовой
Май Победу земле принес,
Это ты, все сдержав и выстояв,
В первый раз не сдержала слез.
Ржавой проволокой опоясана,
Русь смотрела сквозь горечь дат
Не твоими ль глазами ясными
На пришедших с войны солдат?
И не ты ль им цветы носила,
Песни пела им на заре?
Мне писать бы с тебя Россию
В самой светлой ее поре.

Руки женщин...

Руки женщин –
Как звуки скрипки.
Так же искренни,
Так же зыбки.
Так же веселы
Иль печальны.
И умышленны
И нечаянны.
Руки женщин –
Вы так прекрасны!
Вы прекрасны,
Когда любимы.

Когда солнцем
Весенним политы.
Когда к сердцу
Волнением подняты.
Чтоб неслышно сказать
«Любимый...»
Вы прекрасны в труде
И в отдыхе.
Своей нежностью,
Своей гордостью...
Своей силой,
Что людям отдана...
Ну, а те, что на вас
Глядят,
Так, как будто бы что
Выпытывают,
Так глядят,
Будто чем грозят,
Это просто они завидуют.
Вы не бойтесь их
Взглядов мрачных...
Оставайтесь всегда прекрасны,
Руки женщин...

Баллада о любви

– Я жить без тебя не могу,
Я с первого дня это понял...
Как будто на полном скаку
Коня вдруг над пропастью поднял.

– И я без тебя не могу.
Я столько ждала! И устала.
Как будто на белом снегу
Гроза мою душу застала.

Сошлись, разминувшись пути,
Но он ей звонил отовсюду.
И тихо просил: «Не грусти...»
И тихое слышалось: «Буду...»

Однажды на полном скаку
С коня он свалился на съемках...
– Я жить без тебя не могу, –
Она ему шепчет в потемках.

Он бредил... Но сила любви
Вновь к жизни его возвращала.
И смерть уступила: «Живи!»
И все начиналось сначала.

– Я жить без тебя не могу... –
Он ей улыбался устало,
– А помнишь на белом снегу
Гроза тебя как-то застала?

Прилипли снежинки к виску.
И капли росы на ресницах...
Я жить без тебя не смогу,
И значит, ничто не случится.

***

Видел я, как дорогу строили.
В землю камни вбивали женщины.
Повязавшись платками строгими,
Улыбались на солнце жемчугом.
И мелькали их руки медные,
И дорога ползла так медленно.
Рядом бегал прораб довольный,
Руки в брюках, не замозолены.
— Ну-ка, бабоньки! Раз-два, взяли! —
И совсем ничего — во взгляде.
Может, нет никакой тут сложности?
Человек при хорошей должности.
Среди них он здесь вроде витязя...
Ну а женщины — это ж сменщицы,
Не врачи, не студентки ГИТИСа.
Даже вроде уже не женщины,
А простые чернорабочие,
В сапожищи штаны заправлены.
А что камни они ворочают,
Видно, кто-то считает правильным.
Всё рассчитано у прораба:
Сдаст дорогу прораб досрочно.
Где-то выше напишут рапорт.
Вгонят камень последний бабы,
Словно в рапорт поставят точку.
Но из рапорта не прочтут
Ни газетчики, ни начальство,
Как тяжёл этот женский труд,

Каково оно, бабье счастье.
Как, уставшие насмерть за день,
Дома будут стирать и стряпать.
От мозолей, жары да ссадин
Руки станут как старый лапоть.
Мы вас, женщины, мало любим,
Если жить вот так позволили.
Всё должно быть прекрасно в людях.
Ну, а в женщинах и тем более.
Не хочу, чтоб туристы гаденько
Вслед глядели глазами колкими,
Аппаратами вас ощелкивали:
«Вот булыжная, мол, романтика...»
Мы пути пролагаем в космосе,
Зажигаем огни во мгле.
И порою миримся с косностью
На земле.

Баллада о матери

Постарела мать за много лет,
А вестей от сына нет и нет.
Но она всё продолжает ждать,
Потому что верит, потому что мать.
И на что надеется она?
Много лет, как кончилась война.
Много лет, как все пришли назад,
Кроме мёртвых, что в земле лежат.
Сколько их в то дальнее село,
Мальчиков безусых, не пришло.

Раз в село прислали по весне
Фильм документальный о войне,
Все пришли в кино — и стар, и мал,
Кто познал войну и кто не знал,
Перед горькой памятью людской
Разливалась ненависть рекой.
Трудно было это вспоминать.
Вдруг с экрана сын взглянул на мать.
Мать узнала сына в тот же миг,
И пронёсся материнский крик;
— Алексей! Алёшенька! Сынок! —
Словно сын её услышать мог.
Он рванулся из траншеи в бой.
Встала мать прикрыть его собой.
Всё боялась — вдруг он упадёт,
Но сквозь годы мчался сын вперёд.
— Алексей! — кричали земляки.
— Алексей! — просили, — добеги!..
Кадр сменился. Сын остался жить.
Просит мать о сыне повторить.
И опять в атаку он бежит.
Жив-здоров, не ранен, не убит.
— Алексей! Алёшенька! Сынок! —
Словно сын её услышать мог...
Дома всё ей чудилось кино...
Всё ждала, вот-вот сейчас в окно
Посреди тревожной тишины
Постучится сын её с войны.

А. Твардовский

Память

Прощаемся мы с матерями

Задолго до крайнего срока –
Еще в нашей юности ранней,
Еще у родного порога,
Когда нам платочки, носочки
Уложат их добрые руки,
А мы, опасаясь отсрочки,
К назначенной рвемся разлуке.
Разлука еще безусловней
Для них наступает попозже,
Когда мы по воле сыновей
Спешим известить их по почте.
И карточки им посылая,
Каких-то девчонок безвестных,
От щедрой души позволяем
Заочно любить их невесток.
А там – за невестками – внуки...
И вдруг назовет телеграмма
Для самой последней разлуки
Ту старую бабушку мамой.

К. Бальмонт

«Женщине»

Ты – женщина, ты – книга между книг,
Ты – свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.

Ты – женщина, ты – ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено среди пыток.

Ты – женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звездной,
Ты – в наших безднах образ божества!

Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся – от века – на тебя!

А. Афанасьев

Моя Душа

Подари мне, Бог, эту женщину,
И не дай никогда ей опомниться.
Я за каждый вздох, с нею скрещенный,
Заплатил тебе больше, чем сторицей.

Одолжи мне, Бог, её горести,
Если станут они неизбежностью,
Чтобы мог финал её повести
Я украсить заботой и нежностью.

Помоги мне, Бог,
Стать единственным,
Пусть не первым, но Лучшим и стоящим
Её нежных губ, глаз таинственных,
Поцелуев её, как сокровища.

Подскажи ей, Бог, что я – суженый,
Её брат, её муж, её копия.
Не случайный друг, не отдушина,
Не ночей одиноких утопия...

Я давно мог стать, без сомнения,
Настоящим отцом её дочери....
Дай хоть сил нам ждать, дай терпения!
Ведь длинна к тебе, Господи, очередь....
Я смогу исцелить грусти трещины
На душе её слишком доверчивой.
Подари мне, Господь, мою женщину!
Вот и всё, – больше мне просить нечего!

О. Андрус

Я женщина.
И сердце нежное мое
Созвучно всей живой природе,
И слово тихое мое
звенит, как вечный гимн свободе.
Свободе духа и идей,
Свободе совести и чести,
Свободе от земных цепей,
Свободе от злобы и мести.

Я женщина.
Я научу вас мир любить,
забыв про войны и раздоры,
Я подарю вам жизни нить,
Ту, что откроет все просторы.
Просторы неба и земли,
Просторы вечности и доли,
Просторы счастья и любви,

Просторы красоты и воли.
Я женщина...

Р. Гамзатов

Берегите матерей

Воспеваю то, что вечно ново.
И хотя совсем не гимн пою,
Но в душе родившееся слово
Обретает музыку свою.

И, моей не подчиняясь воле,
Рвется к звездам, ширится окрест...
Музыкою радости и боли
Он гремит – души моей оркестр.

Но когда скажу я, как впервые,
Это Слово-Чудо, Слово-Свет, –
Встаньте, люди!
Павшие, живые!
Встаньте, дети бурных наших лет!

Встаньте, сосны векового бора!
Встаньте, распрямитесь, стебли трав!
Встаньте все цветы!...И встаньте, горы,
Небо на плечах своих подняв!

Встаньте все и выслушайте стоя
Сохраненное во всей красе
Слово это – древнее, святое!
Распрямитесь! Встаньте!.. Встаньте все!

Как леса встают с зарею новой,
Как травинки рвутся к солнцу ввысь,
Встаньте все, заслышав это слово,
Потому что в слове этом – жизнь.

Слово это – зов и заклинанье,
В этом слове – сущего душа.
Это искра первая сознанья,
Первая улыбка малыша.

Слово это пусть всегда пребудет
И, пробившись сквозь любой затор
Даже в сердце каменном пробудит
Заглушенной совести укор.

Слово это сроду не обманет,
В нем сокрыто жизни существо.
В нем – исток всего. Ему конца нет.
Встаньте!..
Я произношу его:
«Мама!»

Матери

Есть три заветных песни у людей,
И в них людское горе и веселье.
Одна из песен всех других светлей –
Ее слагает мать над колыбелью.

Вторая – тоже песня матерей.
Рукою гладя щеки ледяные,

Ее поют над гробом сыновей...
А третья песня – песни остальные.

Матери

Мальчишка горский, я несносным
Слыл неслухом в кругу семьи
И отвергал с упрямством взрослым
Все наставления твои.

Но годы шли, и, к ним причастный,
Я не робел перед судьбой,
Зато теперь робею часто,
Как маленький, перед тобой.

Вот мы одни сегодня в доме.
Я боли в сердце не таю
И на твои клоню ладони
Седую голову свою.

Мне горько, мама, грустно, мама,
Я – пленник глупой суеты,
И моего так в жизни мало
Вниманья чувствовала ты.

Кружусь на шумной карусели,
Куда-то мчусь, но вдруг опять
Сожмется сердце: Неужели
Я начал маму забывать?»

А ты, с любовью, не с упреком,
Взглянув тревожно на меня,
Вздыхнешь, как будто ненароком,
Слезинку тайно оброня.

Звезда, сверкнув на небосклоне,
Летит в конечный свой полет.
Тебе твой мальчик на ладони
Седую голову кладет.

Мать

«Безгрешна мать, коль четверо у ней
Детей родится», –
Мусульманин каждый
Об этом помнит до скончания дней.
И, значит, мать твоя безгрешна дважды,
Поскольку девять у нее детей.
И радуга, над ней взойдя дугою,
Одним концом как будто оперлась
На сердце ей, не знавшее покоя,
Другим – на рай, невидимый для глаз.

Ф. Алиева

***

Не спеши жену назвать сестрой,
Пусть она любимой остается.
Свой очаг разрушить не спеши,

Не всегда ведь лучше то, что ново.
Озабочен праздной суетой,
Для семьи ты время не находишь.
Будет поздно, коль решит жена,
Что врагом ты стал и ей, и детям.

Что, скажи, ты сделал, чтобы ей
Скрасить годы тихого заката?
Что ты сделал, чтобы сыновья
На достойном выросли примере?

И куда ты денешься, когда
Сил не хватит для подобной жизни?
Как в глаза ты близким поглядишь?
Как вернешь былое уваженье?

С. Курбанова

Вместе

Мы сорок лет уже с тобой,
Любимая, не зря!
Ты помнишь вечер золотой
В начале сентября?
С тех пор идем за шагом шаг
Мы рядышком, мой друг.
И чистая твоя душа –
Спасательный мой друг.
Любовь, как крылья за спиной,
Меня возносит ввысь.
Я счастлив, что прожил с тобой,
Любимая, всю жизнь!

А. Таркинский

Семейный путь

Пройдя с тобою долгий путь познаний,
Достигли мы желанных берегов.
Но отчего боишься ты признаний,
Которые я высказать готов?
Жена робка со мной и осторожна,
Как будто незнакомы мы совсем.
Я чем-то напугал ее, возможно,
Хотя и не догадываюсь, чем.
Любовь моя восторженна, но если
Со мной ты будешь так же холодна,
Из сердца моего она исчезнет
И скроется, как в облаке луна.
И не оставит от безумной страсти
В душе ни одного уже следа.
Ну а пока еще в твоей я власти,
Хоть знаю, что так будет не всегда.

А. Абдулманапова

Руки бабушки Бахтум

На твоих морщинистых ладонях
Сто тропинок разных пролегло.
Каждая из них.
Тебе напомнит
И добро житейское, и зло
Красоту свою они отдали
Навсегда безжалостной войне –
Жали они, сеяли, пахали
День и ночь,

С мужскими наравне.
Золотым колосьям подарили
Свой загар крестьянский, а потом
Стряпали, стирали и доили
И детей поили молоком.

Сколько же сирот они ласкали,
Не жалея щедрого тепла,
Согревали,
Косы заплетали
И чурек делили у стола.

Сколько на веку своем нелегком
Вырыли кладбищенской земли,
Скольких проводили в путь далекий,
Сколько от болезней сберегли.

Избегая отдыха и лени,
Почернели,
Точно серебро,
И лежат устало на коленях
Руки, сотворившие добро.

Я губами нежно припадаю
К ним,
Когда на сердце нелегко –
Будто запах родины вдыхаю,
Будто пью парное молоко.

И тоска уходит незаметно...
Словно руки бабушки Бахтум
Всю ее развеяли по ветру,

Возвращая сердцу доброту.

ПРОЗА О СУДЬБАХ МАТЕРЕЙ

АЛЕКСАНДР ФАДЕЕВ

(Отрывок из романа «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»)

Олег Кошевой о матери, герой романа А. Фадаеева

«... Мама, мама! Я помню руки твои с того мгновения, как я стал сознавать себя на свете. За лето их всегда покрывал загар, он уже не отходил и зимой, – он был такой нежный, ровный, только чуть-чуть темнее на жилочках. А может быть, они были и грубее, руки твои, – ведь им столько выпало работы в жизни, – но они всегда казались мне такими нежными, и я так любил целовать их прямо в темные жилочки. Да, с того самого мгновения, как я стал сознавать себя, и до последней минуты, когда ты в изнеможении, тихо в последний раз положила мне голову на грудь, провожая в тяжелый путь жизни, я всегда помню руки твои в работе. Я помню, как они сновали в мыльной пене, стирая мои простынки, когда эти простынки были еще так малы, что походили на пеленки, и помню, как ты в тулупчике, зимой, несла ведра на коромысле, положив спереди на коромысло маленькую ручку в рукавике, сама такая маленькая и пушистая, как рукавичка. Я вижу твои с чуть утолщенными суставами пальцы на букваре, и я повторяю за тобой: «бе-а – ба, ба-ба». Я вижу как сильной рукой своею ты подводишь серп под жито, сломленное жменью другой руки, прямо на серп, вижу неуловимое сверкание серпа и потом это мгновенное плавное, такое

женственное движение рук и серпа, откидывающее колосья в пучке так, чтобы не поломать сжатых стеблей.

Я помню твои руки, негибающиеся, красные, залубневшие от студеной воды в проруби, где ты полоскала белье, когда мы жили одни, – казалось, совсем одни на свете, – и помню, как незаметно могли руки твои вынуть занозу из пальца у сына и как они мгновенно продевали нитку в иголку, когда ты шила и пела – пела только для себя и для меня. Потому что нет ничего на свете, чего бы не сумели руки твои, что было бы им не под силу, чего бы они погнушались! Я видел, как они месили глину с коровьим пометом, чтобы обмазать хату, и я видел руку твою, выглядывающую из шелка, с кольцом на пальце, когда ты подняла стакан с красным молдавским вином. А с какой покорной нежностью полная и белая выше локтя рука твоя обвилась вокруг шеи отчима, когда он, играя с тобой, поднял тебя на руки, – отчим, которого ты научила любить меня и которого я чтил, как родного, уже за одно то, что ты любила его. Но больше всего, на веки вечные запомнил я, как нежно гладили они, руки твои, чуть шершавые и такие теплые и прохладные, как они гладили мои волосы, и шею, и грудь, когда я в полусознании лежал в постели. И, когда бы я ни открыл глаза, ты была всегда возле меня, и ночник горел в комнате, и ты глядела на меня своими запавшими очами, будто из тьмы, сама вся тихая и светлая, будто в ризах. Я целую чистые, святые руки твои! Ты проводила на войну сыновей, – если не ты, так другая, такая же, как ты, – иных ты уже не дождешься вовеки, а если эта чаша миновала тебя, так она не миновала другую, такую же, как ты. Но если и в дни войны у людей есть кусок хлеба и есть одежда на теле, и если стоят скирды на поле, и бегут по рельсам поезда, и вишни цветут в саду, и пламя бушует в домне, и чья-то незримая сила подымает воина с земли или с

постели, когда он заболел или ранен, – все это сделали руки матери моей – моей, и его, и его. Оглянись же и ты, юноша, мой друг, оглянись, как я, и скажи, кого ты обижал в жизни больше, чем мать, – не от меня ли, не от тебя, не от него, не от наших ли неудач, ошибок и не от нашего ли горя седеют наши матери? А ведь придет час, когда мучительным упреком сердцу обернется все это у материнской могилы. Мама, мама!.. Прости меня, потому что ты одна, только ты одна на свете можешь прощать, положи на голову руки, как в детстве, и прости...»

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ

(Отрывок из повести «МАТЕРИНСКОЕ ПОЛЕ»)

С какой бы стороны поезд ни шел, мы вскакивали, хватали курджун и выбегали на пути. Эшелоны шли, но ни в одном из них Маселбека не было. Я всматривалась в проносящиеся, как молнии, окна: а вдруг увижу Маселбека, а вдруг мой сын там и я не знаю об этом? Рельсы стонали под бегущими колесами, так же как сердце мое, охваченное страхом за сына. Поезда промчались мимо, унося за собою тучи снега, а мы долго еще стояли, прижавшись, у фонаря.

До самого рассвета мы с Алиман не присели, то и дело бегали взад-вперед вдоль эшелонов. Настало утро. Пора было уезжать – сено у лошадей кончилось. А вдруг Маселбек не проезжал еще, тогда как? Столько ждали, разве не обидно будет? По-всякому думали, решали мы с Алиман. Но уехать не посмели. Вдруг тучи развеялись, и солнышко проглянуло. «Эх, – подумала я, – вот бы и сын мой блеснул вдруг, как солнышко из-за туч, появился бы на глаза хоть разок...»

И тут послышался вдали шум поезда. Он шел с востока. Мощный двукратный гудок паровоза прокатился по ущелью. С грохотом, в дыму, в пару, с красными колесами, с жаркими огнями пронеслись два черных паровоза, за ними на платформах-танки, пушки, укрытые брезентом, подле них часовые в шубах, с винтовками в руках, мелькнули солдаты в приоткрытых дверях теплушек, и пошли – вагон за вагоном – проносить на мгновение лица, шинели, обрывки песен, слов, звуки гармоней и балалаек. В эту минуту раздался рядом крик:

-Мама-а-а! Алима-а-ан!

Он! Маселбек! Ах ты, боже мой, боже! Он пронесился мимо нас совсем близко. Всем телом перегнулся из вагона, держась одной рукой за дверь, а другой махал нам шапкой и кричал, прощался. Я только помню, как вскрикнула: «Маселбек!» И в тот короткий миг увидела его точно и ясно: ветер растрепал ему волосы, полы шинели бились, как крылья, а на лице и в глазах – радость, и горе, и сожаление, и прощание! И, не отрывая от него глаз, я побежала вдогонку. Мимо прошумел последний вагон эшелона, а я еще бежала по шпалам, потом упала. Ох, как я стонала и кричала! Сын мой уезжал на поле битвы, а я прощалась с ним, обнимая холодный железный рельс. Все дальше и дальше уходил перестук колес, потом и он стих.

И сейчас еще порой кажется мне, будто сквозь голову пронесится этот эшелон и долго стучат в ушах колеса.

Алиман добежала вся в слезах, опустилась рядом, хочет поднять меня и не может, захлебывается, руки трясутся. Тут подросла русская женщина, стрелочница. И тоже: «Мама! Мама!» – обнимает, плачет. Они вдвоем вывели меня на обочину, и, когда мы шли к станции, Алиман дала мне солдатскую шапку.

-Возьми, мама, – сказала она. – Маселбек оставил.

Оказывается, он бросил мне свою шапку, когда я бежала за вагоном.

Я ехала домой с этой шапкой в руках; сидя в бричке, крепко прижимала ее к груди.

Она и сейчас висит на стене. Обыкновенная солдатская серая ушанка со звездочкой на лбу. Иногда возьму в руки, уткнувшись лицом и слышу запах сына.

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ

(Отрывок из повести «И дольше века длится день»)

В этом противоборстве чувств она вдруг увидела, перевалив через пологую грядку, многочисленное стадо верблюдов, вольно выпасавшихся по широкому долу. Бурые нагульные верблюды бродили по мелкому кустарнику и зарослям колючек, обгрызая их верхушки. Найман-Ана приударила свою Акмаю, пустилась со всех ног и вначале прямо-таки захлебнулась от радости, что наконец-то отыскала стадо, потом испугалась, озноб прошиб, до того страшно стало, что увидит сейчас сына, превращённого в манкурта. Потом снова обрадовалась и уже не понимала толком, что с ней происходит.

Вот оно пасётся, стадо, но где же пастух? Должен быть где-то здесь. И увидела на другом краю дола человека. Издали не различить было, кто он. Пастух стоял с длинным посохом, держа на поводу позади себя верхового верблюда с поклажей, и спокойно смотрел из-под нахлобученной шапки на её приближение.

И когда приблизилась, когда узнала сына, не помнила Найман-Ана, как скатилась со спины верблюдицы. Показалось ей, что она упала, но до того ли было!

- Сын мой, родной! А я ищу тебя кругом! – Она бросилась к нему как через чащобу, разделявшую их. - Я твоя мать!

И сразу всё поняла и зарыдала, топча землю ногами, горько и страшно, кривя судорожно прыгающие губы, пытаюсь остановиться и не в силах справиться с собой. Чтобы устоять на ногах, цепко схватилась за плечо безучастного сына и всё плакала и плакала, оглушённая горем, которое давно нависло и теперь обрушилось, подминая и погребая её. И, плача, всматривалась сквозь слёзы, сквозь налипшие пряди седых мокрых волос, сквозь трясущиеся пальцы, которыми размазывала дорожную грязь по лицу, в знакомые черты сына и всё пыталась поймать его взгляд, всё ещё ожидая, надеясь, что он узнает её, ведь это же так просто - узнать собственную мать!

Но её появление не произвело на него никакого действия, точно бы она пребывала здесь постоянно и каждый день навещала его в степи. Он даже не спросил, кто она и почему плачет. В какой-то момент пастух снял с плеча её руку и пошёл, таща за собой неразлучного верхового верблюда с поклажей, на другой край стада, чтобы взглянуть, не слишком ли далеко убежали затеявшие игру молодые животные.

Найман-Ана осталась на месте, присела на корточки, всхлипывая, зажимая лицо руками, и так сидела, не поднимая головы. Потом собралась с силами, пошла к сыну, стараясь сохранить спокойствие. Сын-манкурт как ни в чём не бывало бессмысленно и равнодушно посмотрел на неё из-под плотно нахлобученной шапки, и что-то вроде слабой улыбки скользнуло по его измождённому, начерно обветренному, огрубевшему лицу. Но глаза, выражая дремучее отсутствие интереса к чему бы то ни было на свете, остались по-прежнему отрешёнными.

- Садись, поговорим, – с тяжёлым вздохом сказала Найман-Ана.

И они сели на землю.

- Ты узнаёшь меня? - спросила мать.

Манкурт отрицательно покачал головой.

- А как тебя звать?

- Манкурт, – ответил он.

- Это тебя теперь так зовут. А прежнее имя своё помнишь? Вспомни своё настоящее имя.

Манкурт молчал. Мать видела, что он пытался вспомнить, на переносице от напряжения выступили крупные капли пота и глаза заволоклись дрожащим туманом. Но перед ним возникла, должно, глухая непроницаемая стена, и он не мог её преодолеть.

- А как звали твоего отца? А сам ты кто, откуда родом? Где ты родился, хоть знаешь?

Нет, он ничего не помнил и ничего не знал.

- Что они сделали с тобой! – прошептала мать, и опять губы её запрыгали помимо воли, и, задыхаясь от обиды, гнева и горя, она снова стала всхлипывать, тщетно пытаясь унять себя. Горести матери никак не трогали манкурта.

- Можно отнять землю, можно отнять богатство, можно отнять и жизнь, проговорила она вслух, – но кто придумал, кто смеет покушаться на память человека?! О господи, если ты есть, как внушил ты такое людям? Разве мало зла на земле и без этого?

И тогда сказала она, глядя на сына-манкурта, своё знаменитое прискорбное слово о солнце, о боге, о себе, которое пересказывают знающие люди и поныне, когда речь заходит о сарозекской истории...

И тогда начала свой плач, который и поныне вспоминают знающие люди:

- Мен ботасы олген боз мая,
Тулыбын келип искеген...

И тогда вырвались из души её причитания, долгие безутешные вопли среди безмолвных бескрайних сарозеков...

Но ничто не трогало сына её, манкурта.

И тогда решила Найман-Ана не расспросами, а внушением попытаться дать ему узнать, кто он есть.

- Твоё имя Жоламан. Ты слышишь? Ты – Жоламан. А отца твоего звали Доненбай. Разве ты не помнишь отца? Ведь он тебя с детства учил стрелять из лука. А я твоя мать. А ты мой сын. Ты из племени найманов, понял? Ты найман...

Всё, что она говорила ему, он выслушал с полным отсутствием интереса к её словам, как будто бы речь шла ни о чём. Так же он слушал, наверно, стрёкот кузнечика в траве.

И тогда Найман-Ана спросила сына-манкурта:

- А что было до того, как ты пришёл сюда?

- Ничего не было, – сказал он.

- Ночь была или день?

- Ничего не было, – сказал он.

- С кем ты хотел бы разговаривать?

- С луной. Но мы не слышим друг друга. Там кто-то сидит.

- А что ты ещё хотел бы?

- Косу на голове, как у хозяина.

- Дай я посмотрю, что они сделали с твоей головой, – потянулась Найман-Ана.

Манкурт резко отпрянул, отодвинулся, схватился рукой за шапку и больше не смотрел на мать. Она поняла, что поминать о его голове никогда не следует.

В это время вдаль завиднелся человек, едущий на верблюде. Он направлялся к ним.

- Кто это? – спросила Найман-Ана.

- Он везёт мне еду, – ответил сын.

Найман-Ана забеспокоилась. Надо было поскорее скрыться, пока объявившийся некстати жуаньжуан не увидел её. Она осадилась свою верблюдицу на землю и взобралась в седло.

- Ты ничего не говори. Я скоро приеду, – сказала Найман-Ана.

Сын не ответил. Ему было всё равно.

Найман-Ана поняла, что совершила ошибку, удаляясь верхом через пасущееся стадо. Но было уже поздно. Жуаньжуан, едущий к стаду, конечно, мог заметить её, восседающую на белой верблюдице. Надо было уходить пешком, прятаясь между пасущимися животными.

Удалившись изрядно от выпаса, Найман-Ана заехала в глубокий овраг, поросший по краям полынью. Здесь она спешила, уложив Акмаю на дно оврага. И отсюда стала наблюдать. Да, так оно и оказалось. Углядел-таки. Через некоторое время, погоняя верблюда рысью, показался тот жуаньжуан. Он был вооружён пикой и стрелами. Жуаньжуан был явно озадачен, недоумевал, оглядываясь по сторонам, – куда же девался верховой на белом верблюде, замеченный им издали? Он не знал толком, в каком направлении двинуться. Проскочил в одну сторону, потом в другую. И в последний раз проехал совсем близко от оврага. Хорошо, что Найман-Ана догадалась затянуть платком пасть Акмаи. Не ровен час верблюдица подаст голос. Скрываясь за полынью на краю обрыва, Найман-Ана разглядела жуаньжуана довольно ясно. Он сидел на мохнатом верблюде, озираясь по сторонам, лицо было одутловатое, напряжённое, на голове чёрная шляпа, как лодка, с концами, загнутыми вверх, а сзади болталась, поблёскивая, чёрная, сухая коса, плетённая в два зуба. Жуаньжуан привстал на стременах, держа наготове пику, оглядываясь, крутил головой, и глаза его поблёскивали. Это был один из врагов, захвативших сарозеки, угнавших немало народа в рабство и причинивших столько несчастий её семье. Но что могла она, невооружённая женщина, против свирепого воина-жуаньжуана? Но думалось ей о том, какая жизнь, какие события привели

этих людей к такой жестокости, дикости - вытравить память раба...

Порыскав взад-вперёд, жуаньжуан вскоре удалился назад к стаду.

Был уже вечер. Солнце закатилось, но зарево ещё долго держалось над степью. Потом разом смерклось. И наступила глухая ночь.

В полном одиночестве Найман-Ана провела ту ночь в степи где-то недалеко от своего горемычного сына-манкурта. Вернуться к нему побоялась. Давешний жуаньжуан мог остаться на ночь при стаде.

И к ней пришло решение не оставлять сына в рабстве, попытаться увезти его с собой. Пусть он манкурт, пусть не понимает что к чему, но лучше пусть он будет у себя дома, среди своих, чем в пастухах у жуаньжуаней в безлюдных сарозеках. Так подсказывала ей материнская душа. Примириться с тем, с чем примирались другие, она не могла. Не могла она оставить кровь свою в рабстве. А вдруг в родных местах вернётся к нему рассудок, вспомнит вдруг детство...

Наутро Найман-Ана снова села верхом на Акмаю. Дальними, кружными путями долго подбиралась она к стаду, продвинувшемуся за ночь довольно далеко. Обнаружив стадо, долго всматривалась, нет ли кого из жуаньжуаней. И лишь убедившись, что никого нет, они окликнула сына по имени:

- Жоламан! Жоламан! Здравствуй!

Сын оглянулся, мать вскрикнула от радости, но тут же поняла, что он отозвался просто на голос.

Снова пыталась Найман-Ана пробудить в сыне отнятую память.

- Вспомни, как тебя зовут, вспомни своё имя! – умоляла и убеждала она. – Твой отец Доненбай, ты разве не знаешь? А твоё имя не Манкурт, а Жоламан. Мы назвали

тебя так потому, что ты родился в пути при большом кочевье найманов. И когда ты родился, мы сделали там стоянку на три дня. Три дня был пир. И хотя всё это на сына-манкурта не произвело никакого впечатления, мать продолжала рассказывать, тщетно надеясь – вдруг что-то мелькнёт в его померкшем сознании. Но она билась в наглухо закрытую дверь. И всё-таки продолжала твердить своё:

- Вспомни, как твоё имя? Твой отец Доненбай!

Потом она накормила, напоила его из своих припасов и стала напевать ему колыбельные песни.

Песенки ему очень понравились. Ему приятно было слушать их, и нечто живое, какое-то потепление появилось на его застывшем, задубелом до черноты лице. И тогда мать стала убеждать его покинуть это место, покинуть жуаньжуаней и уехать с ней к своим родным местам. Манкурт не представлял себе, как можно встать и уехать куда-то, – а как же стадо? Нет, хозяин велел всё время быть при стаде. Так сказал хозяин. И он никуда не отлучится от стада...

И снова в который раз пыталась Найман-Ана пробиться в глухую дверь сокрушённой памяти и всё твердила:

- Вспомни, ты чей? Как твоё имя? Твой отец Доненбай!

Не заметила мать в напрасном тщании, сколько времени прошло, только спохватилась, когда на краю стада опять появился жуаньжуан на верблюде. В этот раз он оказался гораздо ближе и ехал спешно, погоняя всё быстрее. Найман-Ана не мешкая села на Акмаю. И пустилась прочь. Но с другого края наперерез показался ещё один жуаньжуан на верблюде. Тогда Найман-Ана, разгоняя Акмаю, пошла между ними. Быстроногая белая Акмая вовремя вынесла её вперёд, а жуаньжуаны преследовали сзади, крича и потрясая пиками. Куда им было до Акмаи. Они всё больше отставали, трюхая на своих мохнатых

верблюдах, а Акмая, набирая дыхание, неслась по сарозекам с недосыгаемой быстротой, унося Найман-Ану от смертельной погони.

Не знала она, однако, что, вернувшись, озлобленные жуаньжуаны стали избивать манкурта. Но какой с него спрос. Только и отвечал:

- Она говорила, что она моя мать.

- Никакая она тебе не мать! У тебя нет матери! Ты знаешь, зачем она приезжала? Ты знаешь? Она хочет содрать твою шапку и отпарить твою голову! – запугивали они несчастного манкурта.

При этих словах манкурт побледнел, серым-серым стало его чёрное лицо. Он втянул шею в плечи и, схватившись за шапку, стал озираться вокруг, как зверь.

- Да ты не бойся! На-ка, держи! – Старший жуаньжуан вложил ему в руки лук со стрелами.

- А ну целься! – Младший жуаньжуан подкинул свою шляпу высоко в воздух. Стрела пробила шляпу. – Смотри! - удивился владелец шляпы. - В руке память осталась!

Как птица, вспугнутая с гнезда, кружила Найман-Ана по сарозскским окрестностям. И не знала, как быть, чего ожидать. Угонят ли теперь жуаньжуаны весь гурт и с ним её сына-манкурта в другое место, недоступное для неё, поближе к своей большой орде, или будут подстергать её, чтобы схватить? Теряясь в догадках, она продвигалась объездами по скрытым местам и высмотрела, очень обрадовалась, когда увидела, что те двое жуаньжуаней покинули стадо. Поехали прочь рядом, не оглядываясь. Найман-Ана долго не спускала с них глаз и, когда они скрылись вдаль, решила вернуться к сыну. Теперь она во что бы то ни стало хотела увезти его с собой. Какой он ни есть – не его вина, что судьба так обернулась, что изглумились над ним враги, но в рабстве мать его не оставит. И пусть найманы, увидев, как увечат

нашественники пленённых джигитов, как унижают и лишают их разума, пусть вознегодуют и возьмутся за оружие. Не в земле дело. Земли всем хватило бы. Однако жуаньжуанское зло нетерпимо даже для отчуждённого соседства...

С этими мыслями возвращалась Найман-Ана к сыну и всё обдумывала, как его убедить, уговорить бежать этой же ночью.

Уже смеркалось. Над великими сарозеками опускалась, незримо вкрадываясь по логовам и долам красноватыми сумерками, ещё одна ночь из бесчисленной череды прошлых и предстоящих ночей. Белая верблюдица Акмая легко и свободно несла свою хозяйку к большому табуну. Лучи угасающего солнца чётко высветляли её фигуру на верблюжьем межгорье. Настороженная и озабоченная Найман-Ана была бледна и строга. Седина, морщины, думы на челе и в глазах, как те сумерки сарозекские, неизбывная боль... Вот она достигла стада, поехала между пасущимися животными, стала оглядываться, но сына не видно было. Его верховой верблюд с поклажей почему-то свободно пасся, таща за собой повод по земле...

- Жоламан! Сын мой, Жоламан, где ты? – стала звать Найман-Ана.

Никто не появился и не откликнулся.

- Жоламан! Где ты? Это я, твоя мать! Где ты?

И, озираясь по сторонам в беспокойстве, не заметила она, что сын её, манкурт, прячась в тени верблюда, уже изготовился с колена, целясь натянутой на тетиве стрелой. Отсвет солнца мешал ему, и он ждал удобного момента для выстрела.

- Жоламан! Сын мой! – звала Найман-Ана, боясь, что с ним что-то случилось. Повернулась в седле.

- Не стреляй! – успела вскрикнуть она и только было понукунула белую верблюдицу Акмаю, чтобы развернуться

лицом, но стрела коротко свистнула, вонзаясь в левый бок под руку.

То был смертельный удар. Найман-Ана наклонилась и стала медленно падать, цепляясь за шею верблюдицы. Но прежде упал с головы её белый платок, который превратился в воздухе в птицу и полетел с криком: "Вспомни, чей ты? Как твоё имя? Твой отец Доненбай! Доненбай! Доненбай!"

С тех пор, говорят, стала летать в сарозеках по ночам птица Доненбай. Встретив путника, птица Доненбай летит поблизости с возгласом: "Вспомни, чей ты? Чей ты? Как твоё имя? Имя? Твой отец Доненбай! Доненбай, Доненбай, Доненбай, Доненбай!.."

То место, где была похоронена Найман-Ана, стало называться в сарозеках кладбищем Ана-Бейит – Материнским упокоем...

От белой верблюдицы Акмаи осталось много потомства. Самки в её роду рождались в неё, белоголовые верблюдицы были известны кругом, а самцы, напротив, рождались чёрными и могучими, как нынешний Буранный Каранар.

Покойный Казангап, которого теперь везли хоронить на Ана-Бейит, всегда доказывал, что Буранный Каранар не из простых, а началом от самой Акмаи, знаменитой белой верблюдицы, оставшейся в сарозеках после гибели Найман-Аны.

Едигей охотно верил Казангапу. Почему бы и нет... Буранный Каранар стоил того... Сколько уже было испытаний и в добрые и в худые дни – и всегда Каранар вызволял из трудностей... Вот только дурной уж очень становится, когда в гон идёт, в самые холода всегда это с ним случается, и тогда он лютует, страшно лютует, и зима лютует и он. Две зимы сразу. Сладу нет никакого в такие дни... Однажды он подвёл Едигея, крепко подвёл, и был

бы он, скажем, ну, не человеком, а, допустим, разумным существом, никогда не простил бы Буранный Едигей тот случай Буранному Каранару... Но что взять с верблюда, одуревшего в случной сезон... Да дело-то и не в нём. Разве можно обижаться на животное, это ведь к слову сказано, просто уж судьба обернулась таким образом. При чём тут Буранный Каранар? Вот ведь Казангап хорошо знал эту историю, он её и рассудил, а не то кто знает, как бы всё вышло.

БОРИС ЕКИМОВ

(Отрывок из рассказа «Говори, мама, говори...»)

По утрам теперь звонил телефон-мобильник. Черная коробочка оживала: загорался в ней свет, пела веселая музыка и объявлялся голос дочери, словно рядом она: — Мама, здравствуй! Ты в порядке? Молодец! Вопросы и пожелания? Замечательно! Тогда целую. Будь-будь! Коробочка тухла, смолкала. Старая Катерина дивилась на нее, не могла привыкнуть. Такая вроде малость – спичечный коробок. Никаких проводов. Лежит-лежит – и вдруг заиграет, засветит, и голос дочери: – Мама, здравствуй! Ты в порядке? Не надумала ехать? Гляди... Вопросов нет? Целую. Будь-будь!

А ведь до города, где дочь живет, полторы сотни верст. И не всегда легких, особенно в непогоду. Но в год нынешний осень выдалась долгая, теплая. Возле хутора, на окрестных курганах, порыжела трава, а тополевое да вербовое займище возле Дона стояло зеленым, и по дворам по-летнему зеленели груши да вишни, хотя по времени им давно пора отгореть рдяным да багровым тихим пожаром.

Птичий перелет затянулся. Неспешно уходила на юг казарка, вызванивая где-то в туманистом, ненастном небе негромкое онг-онг... онг-онг...

Да что о птице говорить, если бабка Катерина, иссохшая, горбатенькая от возраста, но еще проворная старушка, никак не могла собраться в отъезд.

– Кидаю умом, не накину... – жаловалась она соседке. – Ехать, не ехать?.. А может, так и будет тепло стоять? Гутарят по радио: навовсе поломалась погода. Ныне ведь пост пошел, а сороки ко двору не прибились. Тепло-растепло. Туды-сюды... Рождество да Крещение. А там пора об рассаде думать. Чего зря и ехать, колготу разводить. Соседка лишь вздыхала: до весны, до рассады было еще ох как далеко. Но старая Катерина, скорее себя убеждая, вынимала из пазухи еще один довод – мобильный телефон.

– Мобила! – горделиво повторяла она слова городского внука. – Одно слово – мобила. Нажал кнопку, и враз – Мария. Другую нажал – Коля. Кому хочешь жалься. И чего нам не жить? – вопрошала она. – Зачем уезжать? Хату кидать, хозяйство...

Этот разговор был не первый. С детьми толковала, с соседкой, но чаще сама с собой.

Последние годы она уезжала зимовать к дочери в город. Одно дело – возраст: трудно всякий день печку топить да воду носить из колодца. По грязи да в гололед. Упадешь, расшибешься. И кто поднимет? Хутор, еще недавно людный, с кончиной колхоза разошелся, разъехался, вымер. Остались лишь старики да пьянь. И хлеб не возят, про остальное не говоря. Тяжело старому человеку зимовать. Вот и уезжала к своим. Но с хутором, с гнездом насиженным нелегко расставаться. Куда девать малую живность: Тузика, кошку да кур? Распихивать по людям?.. И о хате душа болит. Пьянчуги залезут, последние кастрюлешки упрут. Да и не больно весело на старости лет новые углы обживать. Хоть и родные дети, но стены чужие и вовсе другая жизнь. Гостной да оглядывайся. Вот и

думала: ехать, не ехать?.. А тут еще телефон привезли на подмогу – «мобилу». Долго объясняли про кнопки: какие нажимать, а какие не трогать. Обычно звонила дочь из города, по утрам.

Запоет веселая музыка, вспыхнет в коробочке свет. Поначалу старой Катерине казалось, что там, словно в малом, но телевизоре, появится лицо дочери. Объявлялся лишь голос, далекий и ненадолго: — Мама, здравствуй! Ты в порядке? Молодец. Вопросы есть? Вот и хорошо. Целую. Будь-будь. Не успеешь опомниться, а уже свет потух, коробочка смолкла. В первые дни старая Катерина лишь дивилась такому чуду. Прежде на хуторе был телефон в колхозной конторе. Там все привычно: провода, черная большая трубка, долго можно говорить. Но тот телефон уплыл вместе с колхозом. Теперь появился «мобильный». И то слава богу.

– Мама! Слышишь меня?! Живая-здоровая? Молодец. Целую.

Не успеешь и рта раскрыть, а коробочка уж потухла. – Это что за страсть такая... – ворчала старая женщина. – Не телефон, свиристелка. Прокукарекал: будь-будь... Вот тебе и будь. А тут...

А тут, то есть в жизни хуторской, стариковской, было много всего, о чем рассказать хотелось.

– Мама, слышишь меня?

– Слышу, слышу... Это ты, доча? А голос, будто не твой, какой-то хрипатый. Ты не хвораешь? Гляди одевайся теплей. А то вы городские – модные, платок пуховый повяжи. И нехай глядят. Здоровье дороже. А то я ныне сон видала, такой нехороший. К чему бы? Вроде на нашем подворье стоит скотиняка. Живая. Прямо у порога. Хвост у нее лошадиный, на голове – рога, а морда козлиная. Это что за страсть? И к чему бы такое?

– Мама, – донеслось из телефона строгое. – Говори по

делу, а не про козлиные морды. Мы же тебе объясняли: тариф.

– Прости Христа ради, — опомнилась старая женщина. Ее и впрямь упреждали, когда телефон привезли, что он дорогой и нужно говорить короче, о самом главном. Но что оно в жизни главное? Особенно у старых людей... И в самом деле, ведь привиделась ночью такая страсть: лошадиный хвост и козья страшная морда. Вот и думай, к чему это? Наверное, не к добру. Снова миновал день, за ним – другой. Старой женщины жизнь катилась привычно: подняться, прибраться, выпустить на волю кур; покормить да напоить свою малую живность да и самой чего поклевать. А потом пойдет цеплять дело за дело. Не зря говорится: хоть и дом невелик, а сидеть не велит. Просторное подворье, которым когда-то кормилась немалая семья: огород, картофельник, левада. Сарай, закуты, курятник. Летняя кухня-мазанка, погреб с выходом. Плетневая городьба, забор. Земля, которую нужно копать помаленьку, пока тепло. И дровишки пилить, шаркая ручною пилой на забазье. Уголек нынче стал дорогуший, его не укупишь. Помаленьку да полегоньку тянулся день, пасмурный, теплый. Онг-онг... онг-онг... – слышалось порой. Это казарка уходила на юг, стая за стаей. Улетали, чтобы весной вернуться. А на земле, на хуторе было покладбищенски тихо. Уезжая, сюда люди уже не возвращались ни весной, ни летом. И потому редкие дома и подворья словно расползались по-рачьи, чураясь друг друга.

Прошел еще один день. А утром слегка подморозило. Деревья, кусты и сухие травы стояли в легком куржаке – белом пушистом инее. Старая Катерина, выйдя во двор, глядела вокруг, на эту красоту, радуясь, а надо бы вниз, под ноги глядеть. Шла-шла, запнулась, упала, больно

ударившись о корневище. Неловко начался день, да так и пошел не в лад. Как всегда поутру, засветил и запел телефон мобильный.

– Здравствуй, моя доча, здравствуй. Одно лишь звание, что – живая. Я ныне так вдарилась, – пожаловалась она. – Не то нога подыграла, а может, склизь. Где, где... – подосадовала она. – Во дворе. Воротца пошла отворять, с ночи. А тама, возля ворот, там грушина-черномяска. Ты ее любишь. Она сладимая. Я из нее вам компот варю. Иначе бы я ее давно ликвидировала. Возля этой грушины... – Мама, – раздался в телефоне далекий голос, – конкретней говори, что случилось, а не про сладимую грушину. – А я тебе о чем и толкую. Тама корень из земли вылез, как змеюка. А я шла не глядела. Да тут еще глупомордая кошка под ноги суется. Этот корень... Летось Володю просила до скольких разов: убери его Христа ради. Он на самом ходу. Черномяска...

– Мама, говори, пожалуйста, конкретней. О себе, а не о черномяске. Не забывай, что это – мобильник, тариф. Что болит? Ничего не сломала?

– Вроде бы не сломала, – все поняла старая женщина. – Прикладаю капустный лист. На том и закончился с дочерью разговор. Остальное самой себе пришлось досказывать: “Чего болит, не болит... Все у меня болит, каждая косточка. Такая жизнь позади...” И, отгоня горькие мысли, старая женщина занялась привычными делами во дворе и в доме. Но старалась больше толочься под крышей, чтобы еще не упасть. А потом возле прялки уселась. Пушистая кудель, шерстяная нить, мерное вращенье колеса старинной самопряхи. И мысли, словно нить, тянутся и тянутся. А за окном – день осенний, словно бы сумерки. И вроде зябко. Надо бы протопить, но дровишек – внятяг. Вдруг и впрямь зимовать придется. В свою пору включила радио, ожидая слов о погоде. Но

после короткого молчания из репродуктора донесся мягкий, ласковый голос молодой женщины:
– Болят ваши косточки?..
Так впору и к месту были эти душевные слова, что ответилось само собой:

– Болят, моя доча...

– Ноют руки и ноги?.. – словно угадывая и зная судьбу, спрашивал добрый голос.

– Спасу нет... Молодые были, не чували. В доярках да в свиарках. А обувка – никакая. А потом в резиновые сапоги влезли, зимой и летом в них. Вот и нудят...

– Болит ваша спина... – мягко ворковал, словно завораживая, женский голос.

– Заболит, моя доча... Век на горбу таскала чувалы да вахли с соломой. Как не болеть... Такая жизнь... Жизнь ведь и вправду нелегкой выдалась: война, сиротство, тяжкая колхозная работа.

Ласковый голос из репродуктора вещал и вещал, а потом смолк.

Старая женщина даже всплакнула, ругая себя: “Овечка глупая... Чего ревешь?..” Но плакалось. И от слез вроде бы стало легче. И тут совсем неожиданно, в обеденный неурочный час, заиграла музыка и засветил, проснувшись, мобильный телефон. Старая женщина испугалась:

– Доча, доча... Чего случилось? Не заболел кто? А я всполохнулась: не к сроку звонишь. Ты на меня, доча, не держи обиду. Я знаю, что дорогой телефон, деньги большие. Но я ведь взаправду чуток не убилась. Тама, возля этой дулинки... – Она опомнилась: – Господи, опять я про эту дулинку, прости, моя доча...

Издаലെка, через многие километры, донесся голос дочери:

– Говори, мама, говори...

– Вот я и гутарю. Ныне какая-то склизь. А тут еще эта кошка... Да корень этот под ноги лезет, от грушины. Нам, старым, ныне ведь все мешает. Я бы эту грушину навовсе ликвидировала, но ты ее любишь. Запарить ее и сушить, как бывалоча... Опять я не то плету... Прости, моя доча. Ты слышишь меня?..

В далеком городе дочь ее слышала и даже видела, прикрыв глаза, старую мать свою: маленькую, согбенную, в белом платочке. Увидела, но почувала вдруг, как все это зыбко и ненадежно: телефонная связь, видение. – Говори, мама... – просила она и боялась лишь одного: вдруг оборвется и, может быть, навсегда этот голос и эта жизнь. – Говори, мама, говори...

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ **(Отрывок из рассказа «Телеграмма»)**

– Не слышно, Катерина Петровна, Настя пишет чего или нет?

Катерина Петровна молчала, сидя на диване – сгорбленная, маленькая, – и всё перебирала какие-то бумажки в рыжем кожаном ридикюле. Тихон долго сморкался, топтался у порога.

– Ну что ж, – говорил он, не дождавшись ответа. – Я, пожалуй, пойду, Катерина Петровна.

– Иди, Тиша, – шептала Катерина Петровна. – Иди, бог с тобой!

Он выходил, осторожно прикрыв дверь, а Катерина Петровна начинала тихонько плакать. Ветер свистел за окнами в голых ветвях, сбивал последние листья. Керосиновый ночник вздрагивал на столе. Он был, казалось, единственным живым существом в покинутом

доме, – без этого слабого огня Катерина Петровна и не знала бы, как дожить до утра.

Ночи были уже долгие, тяжелые, как бессонница. Рассвет все больше медлил, все запаздывал и нехотя сочился в немытые окна, где между рам еще с прошлого года лежали поверх ваты когда-то желтые осенние, а теперь истлевшие и черные листья.

Настя, дочь Катерины Петровны и единственный родной человек, жила далеко, в Ленинграде. Последний раз она приезжала три года назад.

Катерина Петровна знала, что Насте теперь не до нее, старухи. У них, у молодых, свои дела, свои непонятные интересы, свое счастье. Лучше не мешать. Поэтому Катерина Петровна очень редко писала Насте, но думала о ней все дни, сидя на краешке продавленного дивана так тихо, что мышь, обманутая тишиной, выбегала из-за печки, становилась на задние лапки и долго, поводя носом, нюхала застоявшийся воздух.

Писем от Насти тоже не было, но раз в два-три месяца веселый молодой почтарь Василий приносил Катерине Петровне перевод на двести рублей. Он осторожно придерживал Катерину Петровну за руку, когда она расписывалась, чтобы не расписалась там, где не надо.

Василий уходил, а Катерина Петровна сидела, растерянная, с деньгами в руках. Потом она надевала очки и перечитывала несколько слов на почтовом переводе. Слова были все одни и те же: столько дел, что нет времени не то что приехать, а даже написать настоящее письмо.

Катерина Петровна осторожно перебирала пухлые бумажки. От старости она забывала, что деньги эти вовсе не те, какие были в руках у Насти, и ей казалось, что от денег пахнет Настиными духами.

Как-то, в конце октября, ночью, кто-то долго стучал в заколоченную уже несколько лет калитку в глубине сада.

Катерина Петровна забеспокоилась, долго обвязывала голову теплым платком, надела старый салоп, впервые за этот год вышла из дому. Шла она медленно, ощупью. От холодного воздуха разболелась голова. Позабытые звезды пронзительно смотрели на землю. Палые листья мешали идти.

Около калитки Катерина Петровна тихо спросила:

– Кто стучит?

Но за забором никто не ответил.

– Должно быть, почудилось, – сказала Катерина Петровна и побрела назад.

Она задохнулась, остановилась у старого дерева, взялась рукой за холодную, мокрую ветку и узнала: это был клен. Его она посадила давно, еще девушкой-хохотушкой, а сейчас он стоял облетевший, озябший, ему некуда было уйти от этой бесприютной, ветреной ночи.

Катерина Петровна пожалела клен, потрогала шершавый ствол, побрела в дом и в ту же ночь написала Насте письмо.

«Ненаглядная моя, – писала Катерина Петровна. – Зиму эту я не переживу. Приезжай хоть на день. Дай поглядеть на тебя, поддержать твои руки. Стара я стала и слаба до того, что тяжело мне не то что ходить, а даже сидеть и лежать, – смерть забыла ко мне дорогу. Сад сохнет – совсем уж не тот, — да я его и не вижу. Нынче осень плохая. Так тяжело; вся жизнь, кажется, не была такая длинная, как одна эта осень».

Манюшка, шмыгая носом, отнесла это письмо на почту, долго засовывала его в почтовый ящик и заглядывала внутрь, – что там? Но внутри ничего не было видно – одна жестяная пустота.

Настя работала секретарем в Союзе художников. Работы было много. Устройство выставок, конкурсов — все это проходило через ее руки.

Письмо от Катерины Петровны Настя получила на службе. Она спрятала его в сумочку, не читая, – решила прочесть после работы. Письма Катерины Петровны вызывали у Насти вздох облегчения: раз мать пишет — значит, жива. Но вместе с тем от них начиналось глухое беспокойство, будто каждое письмо было безмолвным укором.

После работы Насте надо было пойти в мастерскую молодого скульптора Тимофеева, посмотреть, как он живет, чтобы доложить об этом правлению Союза. Тимофеев жаловался на холод в мастерской и вообще на то, что его затирают и не дают развернуться.

На одной из площадок Настя достала зеркальце, напудрилась и усмехнулась, – сейчас она нравилась самой себе. Художники звали ее Сольвейг за русые волосы и большие холодные глаза.

Открыл сам Тимофеев – маленький, решительный, злой. Он был в пальто. Шею он замотал огромным шарфом, а на его ногах Настя заметила дамские фетровые боты.

– Не раздевайтесь, – буркнул Тимофеев. – А то замерзнете. Прошу!

Он провел Настю по темному коридору, поднялся вверх на несколько ступеней и открыл узкую дверь в мастерскую.

Из мастерской пахло чадом. На полу около бочки с мокрой глиной горела керосинка. На станках стояли скульптуры, закрытые сырыми тряпками. За широким окном косо летел снег, заносил туманом Неву, таял в ее темной воде. Ветер посвистывал в рамках и шевелил на полу старые газеты.

– Боже мой, какой холод! – сказала Настя, и ей показалось, что в мастерской еще холоднее от белых мраморных барельефов, в беспорядке развешанных по стенам.

– Вот, полюбуйтесь! – сказал Тимофеев, пододвигая Насте испачканное глиной кресло. – Непонятно, как я еще не издох в этой берлоге. А у Першина в мастерской от калориферов дует теплом, как из Сахары.

– Вы не любите Першина? – осторожно спросила Настя.

– Выскочка! – сердито сказал Тимофеев. – Ремесленник! У его фигур не плечи, а вешалки для пальто. Его колхозница — каменная баба в подоткнутом фартуке. Его рабочий похож на неандертальского человека. Лепит деревянной лопатой. А хитер, милая моя, хитер, как кардинал!

– Покажите мне вашего Гоголя, – попросила Настя, чтобы переменить разговор.

– Перейдите! – угрюмо приказал скульптор. – Да нет, не туда! Вон в тот угол. Так!

Он снял с одной из фигур мокрые тряпки, придирчиво осмотрел ее со всех сторон, присел на корточки около керосинки, грея руки, и сказал:

– Ну вот он, Николай Васильевич! Теперь прошу!

Настя вздрогнула. Насмешливо, зная ее насквозь, смотрел на нее остроносый сутулый человек. Настя видела, как на его виске бьется тонкая склеротическая жилка.

«А письмо-то в сумочке нераспечатанное, – казалось, говорили сверлящие гоголевские глаза. – Эх ты, сорока!»

– Ну что? – спросил Тимофеев. – Серьезный дядя, да?

– Замечательно! – с трудом ответила Настя. – Это действительно превосходно.

Тимофеев горько засмеялся.

– Превосходно, – повторил он. – Все говорят: превосходно. И Першин, и Матьяш, и всякие знатоки из всяких комитетов. А толку что? Здесь – превосходно, а там, где решается моя судьба как скульптора, там тот же Першин только неопределенно хмыкнет – и готово. А

Першин хмыкнул – значит, конец!.. Ночи не спишь! – крикнул Тимофеев и забегал по мастерской, топая ботами. – Ревматизм в руках от мокрой глины. Три года читаешь каждое слово о Гоголе. Свинные рыла снятся!

Тимофеев поднял со стола груды книг, потряс ими в воздухе и с силой швырнул обратно. Со стола полетела гипсовая пыль.

– Это все о Гоголе! – сказал он и вдруг успокоился. — Что? Я, кажется, вас напугал? Простите, милая, но, ей-богу, я готов драться.

– Ну что ж, будем драться вместе, – сказала Настя и встала.

Тимофеев крепко пожал ей руку, и она ушла с твердым решением вырвать во что бы то ни стало этого талантливого человека из безвестности.

Настя вернулась в Союз художников, прошла к председателю и долго говорила с ним, горячилась, доказывала, что нужно сейчас же устроить выставку работ Тимофеева. Председатель постукивал карандашом по столу, что-то долго прикидывал и в конце концов согласился.

Настя вернулась домой, в свою старинную комнату на Мойке, с лепным золоченым потолком, и только там прочла письмо Катерины Петровны.

– Куда там сейчас ехать! – сказала она и встала, — Разве отсюда вырвешься!

Она подумала о переполненных поездах, пересадке на узкоколейку, тряской телеге, засохшем саде, неизбежных материнских слезах, о тягучей, ничем не скрашенной скуке сельских дней — и положила письмо в ящик письменного стола.

Две недели Настя возилась с устройством выставки Тимофеева.

Несколько раз за это время она ссорилась и мирилась с неуживчивым скульптором. Тимофеев отправлял на выставку свои работы с таким видом, будто обрекал их на уничтожение.

– Ни черта у вас не получится, дорогая моя, – со злорадством говорил он Насте, будто она устраивала не его, а свою выставку. — Зря я только трачу время, честное слово.

Настя сначала приходила в отчаяние и обижалась, пока не поняла, что все эти капризы от уязвленной гордости, что они наигранны и в глубине души Тимофеев очень рад своей будущей выставке.

Выставка открылась вечером. Тимофеев злился и говорил, что нельзя смотреть скульптуру при электричестве.

– Мертвый свет! – ворчал он. – Убийственная скука! Керосин и то лучше.

– Какой же свет вам нужен, невозможный вы тип? – вспылила Настя.

– Свечи нужны! Свечи! – страдальчески закричал Тимофеев. – Как же можно Гоголя ставить под электрическую лампу. Абсурд!

На открытии были скульпторы, художники. Непосвященный, услышав разговоры скульпторов, не всегда мог бы догадаться, хвалят ли они работы Тимофеева или ругают. Но Тимофеев понимал, что выставка удалась.

Седой вспылчивый художник подошел к Насте и похлопал ее по руке:

– Благодарю. Слышал, что это вы извлекли Тимофеева на свет божий. Прекрасно сделали. А то у нас, знаете ли, много болтающих о внимании к художнику, о заботе и чуткости, а как дойдет до дела, так натыкаешься на пустые глаза. Еще раз благодарю!

Началось обсуждение. Говорили много, хвалили, горячились, и мысль, брошенная старым художником о внимании к человеку, к молодому незаслуженно забытому скульптору, повторялась в каждой речи.

Тимофеев сидел, нахохлившись, рассматривал паркет, но все же искоса поглядывал на выступающих, не зная, можно ли им верить или пока еще рано.

В дверях появилась курьерша из Союза – добрая и бестолковая Даша. Она делала Насте какие-то знаки. Настя подошла к ней, и Даша, ухмыляясь, подала ей телеграмму.

Настя вернулась на свое место, незаметно вскрыла телеграмму, прочла и ничего не поняла:

«Катя помирает. Тихон».

СЦЕНАРНЫЙ МАТЕРИАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ К МЕЖДУНАРОДНОМУ ЖЕНСКОМУ ДНЮ

Ведущий. Добрый день, дорогие ребята, наши любимые мамы и бабушки, тети, сестры и девочки! Мы рады приветствовать Вас!

Чтец

Весна шагает по дворам

В лугах тепла и света.

Сегодня праздник наших мам

И нам приятно это.

Ведущий. 8-го марта отмечает наша планета женский день, этот праздник международный, его празднуют во всех странах мира, и уже много лет. Мы привыкли к нему, как к первому весеннему празднику, ведь мы отмечаем его вместе с приходом весны. Этот праздник самый добрый и веселый. Мы любим его за приятные хлопоты, за улыбки наших мам, за радостные лица бабушек, за восхищенные глаза наших одноклассниц, подруг. И значит этот праздник - праздник всех женщин.

Чтец.

Восьмое марта день торжественный,

День радости и красоты.

На всей земле он дарит женщинам

Свои улыбки и мечты.

Ведущий. В этот день будем дарить свои улыбки, цветы и мечты нашим любимым мама, бабушкам.

Ведущий. Конечно, лучше мамы нет никого на свете! Мамины руки - самые добрые и ласковые, сердце - самое нежное и верное, взгляд самый лучистый и ясный. Не зря говорят в пословице: «При солнышке тепло, при матери добро».

Мама греет своим теплом, добротой, так как солнышко греет землю своими лучами.

Ведущий.

Кто пришел ко мне с утра?
Кто сказал: «вставать пора?»
Кашу кто успел сварить?
Чаю в чашку, кто налил?
Кто косички мне заплел?
Целый дом один подмел?
Кто меня поцеловал?
Кто ребячий любит смех?
Кто на свете лучше всех?

Дети отвечают: «Мамочка».

Исполняется песня _____

Ведущий. Дорогие, уважаемые, родные и самые близкие наши бабушки, мамы, сестры, дочери...!
Во все времена вы живете, воспетые в мире,
В шедеврах картин, и в романсах, что нежно звучат.
Сегодня ваш праздник! И вам посвящается лира:
Любимая женщина, бабушка, дочка и мать!

Чтец.

Мама – это добрые нежные руки,
Теплота и сияние глаз,
Мама – ожидание в долгой разлуке
И молитва перед богом за нас.
Мама – это друг – самый лучший и верный,
Что в беде нам подставит плечо,
Мама – это сердце, что бьется так сильно
И умеет любить горячо.

Звучит песня _____

Ведущий.

Что женщинам сегодня пожелать?
Цветов? Удачи? Неба голубого?
Или чего-то светлого такого,
Что и словами трудно описать?
А может по-простому, как придется,
Сказать: «Будь счастлива всегда!»

Пусть в жизни, несмотря на все ветра,
Для радости минуточка найдется!»

Чтец

Дарите ей цветы, не только в день весенний,
И чаще о любви шепчите в тишине,
Тогда и в день туманный иль дождливый
Сквозь тучи солнца луч пробьется в тишине!

Танец _____

Чтец

Как талисман любви он нам завещан,
Он был всегда, он есть и будет впредь;
Весенний праздник, праздник милых женщин,
Что заставляет наши души петь.

Исполняется песня _____

Ведущий. Дорогие ребята, милые мамы и бабушки!
Подходит к завершению наша сегодняшняя встреча.
Спасибо Вам за аплодисменты, теплые взгляды и весенние
улыбки!

Чтец

Спасибо вам, что вы печаль
Смогли сменить на смех и радость!
Так, как положено друзьям!
Дружить всегда мы с вами рады,
Ведь мы желаем счастья Вам.

Ведущий. Сегодня в Ваш адрес было сказано много
добрых, красивых слов! Так пусть они будут звучать для
вас в течение всего года.

Звучит финальная песня. Дети поздравляют своих близких.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ.....	2
СТИХИ РОССИЙСКИХ КЛАССИКОВ	6
«О ЖЕНЩИНЕ...О МАТЕРИ...».....	
ПРОЗА О СУДЬБАХ МАТЕРЕЙ	25
АЛЕКСАНДР ФАДЕЕВ	
(Отрывок из романа «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»).....	25
ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ	
(Отрывок из повести «МАТЕРИНСКОЕ ПОЛЕ»).....	27
ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ	
(Отрывок из повести «И дольше века длится день»).....	29
БОРИС ЕКИМОВ	
(Отрывок из рассказа «Говори, мама, говори...»).....	39
КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ	
(Отрывок из рассказа «Телеграмма»).....	45
СЦЕНАРНЫЙ МАТЕРИАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ	
К МЕЖДУНАРОДНОМУ ЖЕНСКОМУ ДНЮ	53

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ
8 МАРТА**

*Репертуарно-методический сборник
для клубных учреждений МО РД*

Подготовлено

Республиканским домом народного творчества

МК РД

РДНТ МК РД
367010, г. Махачкала,
ул. О.Кошевого, 35 «а»
E-mail: rdnt35@yandex.ru,
web-site: www.dagfolkkultura.ru